

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Юзифович.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

Центральная Научная Библиотека при ХДУ
Инв. № 3072

Редактор А. Н. Стоянов.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

№ 345.

ХАРЬКОВЪ, ПЯТНИЦА 25 Декабря 1881 года (6 Января 1882).

ГОДЪ I.

Слѣдующій № газеты выйдетъ 28-го января.

Отдѣльные №№ „Южнаго Края“ продаются по 6 к.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ

ЮЖНЫЙ КРАЙ

1882 года.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣ.	На 3 мѣ.	На 1 мѣ.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкой	12 р. — к.	7 р. — к.	4 р. — к.	1 р. 40 к.
Съ пересылкою	12 р. 50 к.	7 р. 50 к.	4 р. 50 к.	1 р. 60 к.

Газета „Южный Край“ будетъ издаваться въ 1882 году подъ прежнему редакціею и по прежней программѣ.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ университета, № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Юзифовича, принимаетъ подписку и объявленія.

„ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА“ И КАБИНЕТЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ
А. А. ЮЗИФОВИЧА

будутъ открыты на третій день праздника Р. Х. отъ 11 до 4 час. дня.

НА ПРАЗДНИКАХЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ГАЗЕТЫ „ЮЖНЫЙ КРАЙ“

будетъ открыта для приема подписки и объявленій 26-го и 27-го декабря отъ 11-ти до 4-хъ час. дня.

СОДЕРЖАНИЕ:

Харьковъ, 24 декабря 1881 года.

Истинная хроника: Городская дума. — Изъ городской жизни.

Телеграммы (отъ спеціальнаго корреспондента „Южнаго Края“ отъ „Международнаго телеграфнаго агентства“ и изъ другихъ газетъ).

Политическія извѣстія.

Внутреннія извѣстія: Корреспондентъ „Южнаго Края“ изъ Полтавы, Екатеринославля и Петербурга. — Извѣстія другихъ газетъ: изъ Киева, Одессы и Вильны.

Политическое обозрѣніе.

Вырочка хроника и торговый отдѣлъ.

Календарь.

Справочныя свѣдѣнія.

Фельетонъ: Довольно-обыкновенная исторія.

Эдуарда Прогресса.

Стороннее сообщеніе.

Объявленія.

ХАРЬКОВЪ,

24-го декабря 1881 г.

Съ изумленіемъ прочли мы телеграмму „С.-Петербургскихъ Вѣдомо-

ДОВОЛЬНО-ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

(Изъ писемъ сверхъ-смѣтнаго дворянина).

Сударыня! Я обманулъ васъ!

Гейде.

И, кажется, обманать рассказать вамъ о разныхъ несообразностяхъ, которыми полна до краевъ наша земная юдоля. Но, не желая портить вамъ праздники такимъ сквернымъ угощеніемъ, — а отлагаю исполненіе своего обещанія до болѣе счастливаго будущаго. Въ отъѣздъ же на вашу претензію за обманутыя надежды я не стану ни извиняться, ни оправдываться, ни обставлялъ своего отказа разными „по-неме“ и „по-лику“, а скажу просто словами поэта: „Сударыня! Я обманулъ васъ!“

Никто не можетъ и не долженъ обижаться на меня за такой образъ дѣйствій, никто не имѣетъ права приходить въ изумленіе и считать мой отъѣздъ чѣмъ-нибудь страннымъ и неволевымъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ вещей; въ послѣднее время всѣмъ намъ въ каждой попорознь чрезвычайно часто приходилось слышать эти игривыя слова и всѣ мы изъ той или другой формѣ привыкли уже болѣе или менѣе къ этой фразѣ; она иногда говорится громко, иногда говорится тихо, иногда не говорится совсѣмъ, а только подразумевается, причѣмъ каждый совершенно ясно чувствуетъ, что она тутъ, что она близка, что она виситъ надъ землею, какъ туманъ надъ болотомъ и что ея, какъ эфиромъ, пропитана вся вселенная...

Вы изволите говорить: неправда! Ты требуешь доказательствъ? Извольте! Тысячи примѣровъ въ этомъ родѣ...

Интенданта, попавшіе подъ судъ, и по словамъ освобожденные отъ отвѣ-

ственности, глядя теперь съ радостною улыбкою на бошій міръ и каждый изъ нихъ радостно повторяетъ: „ха, ха, ха, сударыня! Я обманулъ васъ!“

Ташкентецъ, обязанный жить въ Ташкентѣ и наблюдать за ташкентской торговлей, проживающій нѣсколько лѣтъ подъ радъ въ Петербургѣ и получая сѣчные оклады за свою трудную службу на далекой окраинѣ, навѣрно думаетъ, росписываясь въ своеаренномъ полученіи: „Сударыня! Я обманулъ васъ!“

Чиновникъ юстиціи, проживающій за границей съ 1875 года и присылающій оттуда лишь узаконенныя доверенности на полученіе жалованья въ 7,800 р. ежегодно, тоже надо полагать не устаетъ въ игривости щедрымъ, беззаботнымъ, свѣтлымъ и не разъ повторяетъ про себя: „хо-хо-хо, сударыня, какъ я обманулъ васъ!“

Тѣ добрые люди, въ бездонные карманы которыхъ проваливались ежегодно по соткамъ тысячъ цѣльковыхъ, выплачиваемыхъ казною на содержаніе несуществующаго почтоваго тракта въ Туркестанѣ, навѣрно не разъ добродушно пожимались, радостно восклицая: „хе, хе, хе, сударыня! Я вѣдь обманулъ васъ!“

Какое-нибудь земское собраніе изъ любви къ народу снимаетъ со стола вопросъ о крестьянскомъ банкѣ или ходатайствуетъ о томъ, чтобы свѣдущіе люди выбирались на губернскихъ земскихъ собраніяхъ. Общество ликуетъ, либералы довольны, а сплоченная партія крестьянскихъ Михаила Никифоровича остается при своемъ интересѣ и, подымаясь по сторонамъ, самоудовольно, шепчетъ: „хи, хи, хи, сударыня! Довко мы обманули васъ!“

Смоленскій мужикъ, въ свою очередь, не хочетъ отстать отъ господъ и нависши себѣ брюхо половиной и „корои съ послѣдней сосиски“, тоже очень доволенъ судьбой и поглаживая себя по тугой утробѣ, ласково повторяетъ: „Сударыня ты моя! Обманулъ вѣдь я тебя!“

Впрочемъ на счетъ мужика теперь можно быть совершенно спокойнымъ. Колупаевы, Разуваевы, Деруновы и Филеры его болѣе обмануть не будутъ. Для того, чтобы предупредить эксплуатацию мужичкаго труда, предложено печатать въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“ и вывѣшивать отдѣльными вѣдомостями въ волостныхъ правленіяхъ и уѣздныхъ управленіяхъ цѣны главныхъ рыночныхъ на рабочихъ руки. Я теперь за мужика совершенно покоенъ: цѣны будутъ извѣстны, а цѣны Богъ строитъ, только... нѣтъ, нѣтъ, сударыня! Я обманулъ васъ!

Сантандерскаго епископа, отлучившаго трехъ журналистовъ, позвали въ Мадридъ, и сказали ему: „смейся!“ Хорольскаго неперемѣннаго члена Афанасьева, отлучившаго весь хорольскій уѣздъ полтавской губерніи, тоже говорятъ куда-то позвали и велѣли подать въ отставку за нелѣпыя приказанія... Женщины плачутъ... Нѣтъ, нѣтъ, сударыня, успокойтесь! Я обманулъ васъ!

Довольно? Ну, довольно! Вы видите, что за примѣрами ходить недалеко. Стоить только раскрыть какую-нибудь подцензурную провинціальную газету за послѣднее недѣлю и изъ каждой ея отдѣла, какъ цылы изъ на полнаго медомъ улья, полетятъ къ вамъ на встрѣчу, цѣлыя рои безпримѣрныхъ примѣровъ и какъ большіе шмели будутъ жужжать густымъ басомъ: „Сударыня! Я обманулъ васъ, я обма-

нулъ васъ, я обманулъ васъ!“... И это замѣтите въ подцензурныхъ изданіяхъ, дѣй въсякое слово въ строку; какъ же будетъ, когда провинціальная печать освободится наконецъ отъ цензуры и будетъ подчинена только вѣдѣнію однихъ вице-губернаторовъ?...

Такимъ образомъ вы видите, что многие считаютъ себя въ правѣ беззаказно и безбоязненно пользоваться фразой нѣмецкаго поэта, какъ общественнымъ достояніемъ, не подлежащимъ никакому акцизу и мнѣ, какъ человѣку болѣлому и мнительному, когда я долго думаю объ этомъ предметѣ, начинаешь казаться, что на землѣ исчезли всѣ числа, мѣсяцы, недѣли, всѣ грегорианскіе и юліанскіе календари и наступило какое-то болѣе, несуровое и несмѣльное первое апрѣля, — день, въ который каждому дается право душить и обманывать своихъ ближнихъ.

Разъ, господи, среди глубокой ночи я даже видѣлъ, какъ вся наша прекрасная планета въ очтаини простирала руки къ голубому звѣздному небу и, рыдая, шептала лунѣ: „Сударыня! Я обманулъ васъ!“ И эти слова были подхвачены во всѣхъ пяти частяхъ свѣта и со всѣхъ сторонъ раздались сердитые голоса: да, она обманула васъ! да, она обманула васъ!...

Впрочемъ нѣтъ, сударыня! это я обманулъ васъ! не вѣрете пожалуйста ничему, что я тутъ говорю. Сегодня праздникъ, сегодня всякій сапожникъ имѣетъ право радоваться, какъ говаривалъ Гейде. Будемъ же радоваться и мы, забудемъ эту проклятую фразу и все, что она подъ собой скрываетъ и допустимъ на основаніи геометріи, хоть навѣрняка, что тупой уголъ равняется прямому углу и что все на свѣтѣ об-

стоитъ благополучно, утѣшимъ друг друга въ томъ, что въ Ташкентѣ есть прекрасная почтовая дорога, что по ней бѣжитъ прекрасный ташкентскій чиновникъ, что трудъ болѣе не эксплуатированъ, что ростоцики не дурятъ ни съ кого шкуры, что на землѣ вездѣ царитъ довольство и правда, что „хищения и неправда“ нигдѣ не имѣютъ болѣе мѣста, что, наконецъ, всѣ мы хорошіе христіане, поклоняющіеся Творцу духомъ и истиною и точно исполняющіе великія заветы Учителя, день рожденія котораго мы сегодня празднуемъ... Утѣримъ друг друга!... это такъ легко сдѣлать... а между тѣмъ расскажу вамъ маленькую веселую исторію, которая почему то припомнилась мнѣ изъ далекаго прошлаго; она въ свое время доставила мнѣ не мало удовольствія и я надѣюсь, что она вамъ тоже поможетъ разогнать мрачныя мысли.

Было время, когда у меня еще не было мурысти и я былъ такъ счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ адвокатъ, спавшій дѣло о старозаветныхъ земляхъ и положившій въ свой карманъ задатокъ, формальную доверенность и неустойную запись. Въ сущности я не былъ ни адвокатомъ, ни юристомъ. Я просто былъ студентомъ университета, которому по счастью повелось попасть въ члены общества испытателей природы и получить командировку для собранія матеріаловъ и коллекцій въ цѣломъ болѣе-помятомъ районѣ. Когда я возвращался ночью домой въ свою неприглядную студенческую каморку съ того засѣданія, въ которомъ окончательно былъ рѣшенъ вопросъ о моеи поѣздкѣ, я

былъ неизмѣримо счастливъ, и чувствовалъ, что у меня выросли крылья. Недолги были сборы и черезъ нѣсколько дней простая таѣла, нагруженная вещами, инструментами и провіантомъ и запряженная парой шаршавыхъ лошадей, выѣхала изъ города, увозя вашего покорнаго слугу, который важно засѣдалъ рядомъ съ возницей и, право не променялъ бы тогда своего мѣста на престолъ самаго персидскаго падишаха.

Не буду вамъ рассказывать своей Одиссеи и дѣлать перечисленіе всѣхъ своихъ знаменитыхъ открытій. Скажу только въ слову, что послѣ нѣсколькихъ дней странствованія по землямъ различныхъ дикихъ племенъ, я открылъ, что наши сѣбские припасы занимавшіе въ началѣ пути дѣло отдѣленіе чмода, окончательно истощились, оставивши по себѣ только пріятное воспоминаніе. Мы съ Николаемъ (такъ звали моего возницу) сдѣлались почти вегетарианцами, почти забыли вкусъ мясной пищи и мечтали о кускѣ хорошей говядины, какъ о недостижимомъ блаженствѣ. Говоря высокимъ слогомъ хорошаго романиста, „однажды, когда солнце склонилось къ западу, и лучами своими золотило окрестныя нивы“, мы пріѣхали въ одну деревню. Теперь, къ несчастью, я забылъ и названіе этой деревни и имѣю главнѣйшее дѣйствующее лицо, по если это вамъ почему либо интересно, то я могу ихъ припомнить, а непремѣнно ихъ вспомню... Итакъ мы пріѣхали, остановились по обыкновенію у перваго попавшагося мужика, распрягли лошадей, задали имъ корму, закусили сами чѣмъ Богъ послалъ и, разстлавши войлокъ, собрались завалиться спать подъ открытымъ не-

миею: сеймъ, генералъ-губернаторство, особое судостроительство, материальное и профессорское право, мѣстное самоуправление въполнѣ гарантируютъ самоубыточное и ей желательное существование. Но ея таможенная система должна быть пересмотрѣна; таможенная застава снимается хоть на русской границѣ. Пусть и деньги наши сдѣлаются деньгами Финляндии! По крайней мѣрѣ справедливо требовать, чтобы наша казна не несла убытковъ при промывкѣ общей государственной денежной валюты въ предѣлахъ нашей же территории. Допускать противное значило бы осуждать грубый и смѣшлый анахронизмъ, примириться съ какими-то остатками ложнаго средневековаго представлення о безусловной независимости и розни частей одного цѣлаго. Мы уверены, что сама Финляндія пойметъ необходимость сдѣлать уступки законнымъ желаніямъ и интересамъ остальной части населенія и правительства, обязаннаго заботиться о всемъ народѣ, всѣхъ провинціяхъ, всѣхъ подданныхъ!

Послѣдній номеръ „Недѣли“ содержитъ въ себѣ превосходную статью, посвященную разсмотрѣнію настоящаго положенія французскаго министерства и его главнаго руководителя. Французъ разочарованъ; ожидая многого отъ вступленія во власть „народнаго трибуна“, великаго любимаго и баловня французевъ. Два мѣсяца прошло со дня его вступленія въ должность, и что же? „Управленіе Гамбетты“ является какимъ-то соннымъ, неповоротливымъ, тяжёлымъ на подъемѣ. Всѣ прекрасные проекты реформъ „еще не двинулись и дремлютъ спокойно“. Палата становится въ оппозицію человѣку, недавно еще царившему надъ ней изъ-за кулисъ, ревниво оберегающему свои права отъ посягательствъ и деспотическихъ замысловъ премьера, который понесъ уже не одно нравственное поражение (успѣхъ депутата Рибо въ палатѣ и процессъ Рустана). Какъ объяснить это? Гамбетта потерялъ свою нравственную силу, свое моральное обаяніе, принадлежавшее ему какъ обществу дѣятелю, съ тѣхъ поръ, какъ въ его руки попала „власть бюрократическая“ власти администраціи, власти исполнительной.

Это дѣло совѣсть разныя вещи, которыхъ нельзя смѣшивать. Въ предѣлахъ той и другой. Даровитый дѣятель, обладающій нравственной силой, перестаетъ ее, принимая въ руки власть, материальную, обмывавшую свою нравственную силу на вліяніе официальное, принудительное: въ немъ перестаютъ уже видѣть лицо, за которымъ идутъ добровольно, которое подчиняется себѣ убежденіемъ и талантомъ, а видятъ чужака, который можетъ осмелѣвъ свои желанія принудительно, съ помощью государственной силы. Онъ уже приказываетъ, предписываетъ, а не убеждаетъ, и это пробуждаетъ ропотъ, недовѣріе и подозрительность. Моральная власть показывается прихвостлемъ материальной.

Всегда вѣрная, но почти всегда игнорируемая мысль! Но мы добавили бы еще, что въ разматываніи случаевъ уменьшенія нравственной авторитета Гамбетты много зависитъ отъ его непомернаго честолюбія, давно видѣвшейся за нимъ и постоянно усиливавшейся нетерпимости. Наконецъ, позволено еще спросить—кто поручитъ

за то, что Гамбетта, хорошо играющій за парламентскими кулисами, способный подготовить въ частныхъ бесѣдахъ съ депутатами то или иное рѣшеніе дѣла, дѣйствительно способенъ быть административнымъ дѣлателемъ, главою исполнительной власти?

„Знаменитый“, *„Киевлянинъ“* (№ 286) „защищаетъ“ варшавскую администрацію отъ обвиненій въ бездѣятельности и неумѣнн во время и обдуманно принимать мѣры къ прекращенію анти-еврейскихъ беспорядковъ, сиплющихъ на администрацію въ *„малопольскихъ“* органахъ печати. Не мѣшало бы всезнающему органу г. Пяхо послѣдить за русскими столичными газетами, подлежащими предварительной цензурѣ, напр., хоть за „Московскимъ Телеграфомъ“! Милѣ всего то, что въ томъ же номерѣ, въ статьѣ „въ варшавской катастрофѣ“, помѣщено рядъ сообщений другихъ газетъ, бесспорно подрывающихъ вѣру въ распорядительность мѣстныхъ властей.

„Порядокъ“ (№ 351) дѣлаетъ нѣсколько дѣльных замѣчаній по поводу недавняго рѣшенія сената, признаваго, что „полицейскія требованія обязательны для гражданъ только въ той степени, въ какой они основаны на законѣ“. Казалось бы, что можетъ быть проще этой аксіомы благоустроеннаго правового государства, которымъ такъ гордится нашъ вѣкъ, похоронившій почти всюду старое полицейское государство (Polizeistaat)? И однако же, не только приходится повторять эту избитую формулу, но даже выражать свою радость и писать передовыя статьи по поводу какого-нибудь судебного рѣшенія, подтверждающаго, что граждане не отданы на произволъ полицейскихъ благоусмотрѣній, а живутъ въ принципѣ подъ дѣйствіемъ законовъ, которые, налага на нихъ обязанности, должны же признавать и охранять за ними и кое-какія права.

„Московскія Вѣдомости“ (№ 355), обрадованныя слухами о предполагаемыхъ реформахъ въ заведеніяхъ, получившихъ безсмысленное названіе военныхъ гимназій, преобразованіяхъ, имѣющихъ обратитъ эти заведенія въ чисто профессиональныя, нападаютъ по этому поводу на „ту часть нашей печати, которая почему-то именуетъ себя либеральной“. И еще бы, какъ же это смѣло „Порядокъ“ свое сужденіе въ этомъ дѣлѣ имѣть!

МѢСТНАЯ ХРОНИКА.

Городская дума. Передъ началомъ обсужденія проекта обязательнаго постановленія о закрытіи торговли въ праздничные дни, нашедшаго себѣ мѣсто, какъ мы сообщали вчера, въ заведеніи городской думы, 22-го декабря было прочтено особое мнѣніе гл. Павловскаго касательно предложенія иска въ губернскому по городскимъ дѣламъ присутствію за тѣ убытки, какіе понесъ городъ, вѣдѣ-

ная въ комнату съ прекрасной постелью, я долго еще не могъ заснуть и, вѣжась на мягкомъ матрацѣ, думалъ: бывають же такіе милые люди!

Усталость взяла однако свое. Я проснулся лишь въ 8 ч. утра. Вскочивъ съ постели, я заторопился одѣваться, думая, что заставилъ ждать почтеннаго чловека и его семью и, къ изумленію своему, никакъ не могъ отыскать ни своихъ сапоговъ, ни своего платка. Чортъ знаетъ, куда они дѣлись! Ну сапоги, положимъ, унесли чистить, а парусинное платье? Я хотѣлъ отворить окно, но запертыя снаружи ставни не позволяли этого сдѣлать. Я рѣшился выйти потихоньку въ сосѣднюю комнату, къ дверямъ—двери оказались тоже запертыми. „Что за исторія!“! думалось мнѣ. „У древнихъ славянъ гостей, кажется, не запирали на ключъ!“

Въ эту минуту я услышалъ за дверями порохъ и что-то любовное оно пришло въ замочной скважинѣ, стараясь разсмотрѣть, что дѣлается въ моей комнатѣ.

— Отоприте, сдѣлайте одолженіе! я не понимаю... уже десятый часъ... — „А-а, голубчикъ, поспася!“! раздался знакомый голосъ, гостеприимнаго хозяина, отоприте? Нѣтъ братъ, папаша, не вырвешься! Мужиковъ бунтовать, да вредная мысль по деревнямъ развозить—это твое дѣло, а какъ прицепили хвостъ, такъ и отоприте? Посиди-ка, любезный, посиди, подожди станового, онъ тебя лучше усвоитъ!“

Признаюсь, я былъ пораженъ, какъ громомъ. Я не зналъ за собой никакихъ поступковъ противозаконнаго свойства, никогда не видѣлъ ни одной прокламации, не зналъ даже заглавій запрещенныхъ книгъ, былъ въ этомъ отношеніи совершенно невинный и непорочный младенецъ, и вдругъ—становой! Какъ хотіте—прискорбно! Возмуть, повезутъ, посадятъ, пока судъ да дѣло... положимъ, что судъ скорый, правый и милостивый, да ведь же надо полагать, нѣсколько мѣсяцевъ про-

сидѣть, пока дѣло выяснится и скажутъ тебѣ: ступай съ Богомъ—это печальное недоразумѣніе... Я впалъ въ окончательную меланхолю и съ трепетомъ сердца услышалъ, наконецъ, звонки и бубенчики, возбѣжавшіе прибытіе начальства.

— Какъ это, батюшки, вамъ удалось его спалить? раздался зычный голосъ.

— Да такіе помоги Господь... отвѣчалъ хозяинъ, обманомъ, обманомъ, заманилъ съ...

Потомъ послышались приказанія: старосту! десятскихъ! парную подводку, чтобы приготовить! понатяжъ подавай, живыми духомъ! Звонко и бойко раздавались голоса начальника и хозяина и каждая фраза съ болью отдавалась въ моихъ ушахъ, вызывая тоскливыя мысли. „Подводку парную! Такъ и есть, повезутъ... Эхъ, не во время!“

Наконецъ, всѣ приготовления были сдѣланы. Подъ окнами раздавался гулъ колесовъ, очевидно, въ деревню собралась у барскаго дома; слышались бабы пересуды, голоса ребятишекъ, солидный говоръ мужского населенія...

Не желаю вамъ, читатели, побывать когда-нибудь въ моей шкурѣ...

— Именемъ закона! раздалось за дверью и дверь задрожала отъ сильнаго стука.

Молчу.

— Именемъ закона, отворите! стукъ слышенъ.

Вторично молчу.

— Да отворяйся же, чортъ тебя побери, вѣдь все равно двери выломаю!

Дѣла чего же, Иванъ Семеновичъ, двери ломать, я совсѣмъ забылъ, что ключъ у меня, раздался голосъ хозяина.

Замокъ щелкнулъ, дверь отворилась. Въ этотъ моментъ, кто-то отперъ и ставни и масса веселого яркаго солнечнаго свѣта ворвалась въ комнату. Я зажмурилъ глаза. Масса народа наполнила комнату. Когда я снова раскрылъ глаза, то увидѣлъ, что впереди всѣхъ былъ становой приставъ, урядникъ, ста-

не соглашался къ высказаннымъ мнѣніямъ о возможности закрытія базарной торговли на весь день, считая подобное распоряженіе несправедливымъ по отношенію мастеровыхъ г. Харькова, которые работаютъ всю недѣлю и продаютъ свои издѣлія въ праздники. Вообще, онъ полагалъ принять мнѣніе комиссіи и находилъ, что думѣ „не стоитъ изъ-за какихъ-нибудь 12 дней имѣть пререканія“ (sic). Раздѣленіе торговыхъ часовъ въ базарныхъ и городскихъ лавкахъ, предложенное *глас. Горюховымъ* и *Поморцевымъ*, *глас. Орловъ* считалъ невозможнымъ принять. По его мнѣнію, въ интересахъ уравнива прѣвъ приказчиковъ, слѣдуетъ, наоборотъ, связать ту и другую торговлю. Поэтому онъ полагалъ не нарушать часовъ, указанныхъ комиссіей. По возбуждающему, такимъ образомъ, вопросу о возможности отдѣленія времени торговли базарной отъ торговли городской къ утверждительному рѣшенію его присоединился *глас. Ханайченко*. Такое рѣшеніе, по словамъ *гласныхъ*, желательно еще потому, что открытіе базара въ 11 час. неминуемо бы повлекло за собою пятакъ, съ самаго утра, съѣхавшихся изъ окрестныхъ деревень крестьянъ.

Глас. Федоровскій просилъ собраніе разрѣшить ему коснуться предстоящаго вопроса о закрытіи торговли въ праздничные дни съ общей точки зрѣнія.

По его мнѣнію, вся забота въ рѣшеніи вопроса должна заключаться въ стремленіи, чтобы, святость праздничнаго дня была ограждена отъ покушеній торговаго люда. Источникомъ появленія базарныхъ дней въ праздники *гласный* считаетъ крѣпостное право. Обычай этотъ не можетъ быть названъ одобрительнымъ. Поэтому, если правительство и общества употребляютъ принудительныя мѣры къ прекращенію пьянства, то почему же не примѣняютъ какія-либо обязательныя мѣры къ перенесенію базарныхъ дней съ воскресенья на какой-либо другой день. Что касается важности торговли для призванныхъ крестьянъ въ праздничные дни, то по мнѣнію *гласнаго*, она является важной не столько для самихъ крестьянъ, какъ для сельскихъ кулаковъ, совершающихъ въ это время отпую по купку. Послѣ возбужденія по этому поводу прерій между нѣкоторыми *гласными*, *глас. Орловъ* обратилъ вниманіе думы на то, что „лучше дать синицу въ руки, чѣмъ сулить журавля въ небѣ“, а поэтому предлагалъ засѣданію не „увлекаться“ при рѣшеніи предстоящаго вопроса, а ограничиться въ этомъ отношеніи обсужденіемъ лишь существующихъ данныхъ предстоящаго вопроса. Въ силу такого заявленія, подерживаемаго нѣкоторыми другими *гласными*, собраніе рѣшило считать вопросъ о перенесеніи базаровъ на будничные дни открытымъ, и перешло къ послѣдовательному обсужденію составленнаго „проекта“ по отдѣльнымъ его пунктамъ. Результатъ этого обсужденія уже извѣстенъ нашимъ читателямъ.

23-го декабря, въ 11 час. утра, въ правленіи харьковской акціонерной компаніи по торговлѣ шерстью, произведены были опыты промывки шерсти по способу, предложенному предсѣвателемъ компаніи *глас. Ильиничевымъ*. Способъ этотъ есть результатъ наблюденій, произведенныхъ *глас. Ильиничевымъ*, на шерстопрядильныхъ заведеніяхъ въ Германіи, Бельгіи и Франціи, во время поѣздки его заграницу. Въ комиссіи, при производствѣ опыта, принимали участіе инспекторъ врачебной управы, д-ръ Севастьяновичъ, профессоръ Лагермаръ, санитарный врачъ Томашевскій, лаборантъ Чариковъ и г. Словен-

оказалось. Книжки—были русскія и иностранныя руководства по различнымъ предметамъ естествознанія; бумаги—записки профессорскихъ лекцій, конспекты, записки, путевой журналъ.

— Это не то, сказалъ становой.

— Да не то же, обрадовался я.

— Васъ объ этомъ никто не спрашиваетъ, разсердился хозяинъ.

— Бери другой чемоданъ!

Взяли другой чемоданъ.

— Тутъ у васъ что?

— Глядите сами, отвѣчалъ я, только показывайте поосторожнѣе, а то...

Становой, хозяинъ и урядникъ—значительно переглянулись...

— Раскрывай!

Одно отдѣленіе чемодана было наполнено образцами почвъ, склянками и банками съ разными реактивами, насѣкомыми и другой дрянью, не составляющей ничего запрещеннаго. Я ужасно боялся, что мнѣ разобьютъ или испортятъ что-нибудь изъ моихъ драгоценностей. Все это было осторожно развернуто и выставлено на полъ. Любопытство публики все болѣе и болѣе увеличивалось.

„Должно отраву“, шептали бабы.

Во второмъ отдѣленіи не оказалось тоже ничего подозрительнаго: грязное бѣлье, мѣшечекъ съ сахаромъ, полстопы пропусковой бумаги для будущаго гербарія. Урядникъ заступалъ руку въ глубь чемодана и лицо его кричало вдругъ чрезвычайно озабоченное выраженіе.

— Вамъ благородіе, свертковъ, скажите объ изволѣхъ.

— Давай!

Передъ зрителями позависъ свѣтѣкъ, въ свѣтѣкъ было завязано что-то круглое, шарообразное, тщательно завернутое въ газетную бумагу.

23-го декабря, въ квартирѣ г. начальника губернии, происходило засѣданіе комитета по принятію мѣръ къ прекращенію эпидеміи дифтерита въ харьковской губерніи. Въ засѣданіи этого *З. И. Бекарюковъ* объявилъ, что недавно закрывшееся очередное губернское земское собраніе не рассмотрѣло доклада управы по вопросу о дифтеритѣ, а потому на будущій 1882 годъ не имѣется никакихъ суммъ для содержанія санитарныхъ отрядовъ, командированныхъ въ уѣзды для борьбы съ дифтеритомъ. Вслѣдствіе этого комитетъ постановилъ прекратить свои дѣйствія, расформировать санитарные отряды и пригласить чрезъ губернскую управу уѣздная земства принять на себя борьбу съ дифтеритомъ. Было выражено желаніе, чтобы система борьбы оставалась прежняя. Нѣтъ сомнѣнія, что уѣздные земскіе врачи сумѣютъ исполнить близко ихъ касающуюся задачу борьбы съ болѣзнію мѣстнаго населенія. Жаль только, что количество медицинскихъ силъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ слабо, такъ, напр., на огромный районъ съ большимъ населеніемъ старобѣльскаго уѣзда имѣется только 3 земскихъ врача. Поэтому вполнѣ необходимо, чтобы уѣздная земства поторопились бы увеличить какъ число врачей, такъ и количество ихъ помощниковъ, фельдшеровъ. Комитетъ, закрывъ свои дѣйствія, постановилъ, — не ожидая весны или начала лѣта, когда можетъ произойти разсмотрѣніе сказаннаго доклада въ экстренномъ губернскомъ земскомъ собраніи, — просить правительству, по примѣру прежнихъ лѣтъ, отпустить необходимую сумму денегъ на содержаніе медицинскаго персонала для борьбы съ эпидеміей дифтерита.

Въ свое время мы обратили вниманіе на вредное вліяніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ шерстопрядильныхъ заведеній на народное здравіе въ мѣстностяхъ, гдѣ они помѣщаются, и на зараженіе рѣкъ города водой отъ промывки шерсти. Какъ извѣстно, особой комиссіи, состоящей изъ профессорвъ-химиковъ, врачей, инженеровъ и владѣльцевъ шерстопрядильныхъ заведеній, поручено было выработать правила производства операцій промывки шерсти, чтобы сдѣлать ее безвредной для города, и, если возможно, изыскать способъ утилизовать жировыя и минеральныя остатки промывки.

23-го декабря, въ 11 час. утра, въ правленіи харьковской акціонерной компаніи по торговлѣ шерстью, произведены были опыты промывки шерсти по способу, предложенному предсѣвателемъ компаніи *глас. Ильиничевымъ*. Способъ этотъ есть результатъ наблюденій, произведенныхъ *глас. Ильиничевымъ*, на шерстопрядильныхъ заведеніяхъ въ Германіи, Бельгіи и Франціи, во время поѣздки его заграницу. Въ комиссіи, при производствѣ опыта, принимали участіе инспекторъ врачебной управы, д-ръ Севастьяновичъ, профессоръ Лагермаръ, санитарный врачъ Томашевскій, лаборантъ Чариковъ и г. Словен-

оказалось. Книжки—были русскія и иностранныя руководства по различнымъ предметамъ естествознанія; бумаги—записки профессорскихъ лекцій, конспекты, записки, путевой журналъ.

— Это не то, сказалъ становой.

— Да не то же, обрадовался я.

— Васъ объ этомъ никто не спрашиваетъ, разсердился хозяинъ.

— Бери другой чемоданъ!

Взяли другой чемоданъ.

— Тутъ у васъ что?

— Глядите сами, отвѣчалъ я, только показывайте поосторожнѣе, а то...

Становой, хозяинъ и урядникъ—значительно переглянулись...

— Раскрывай!

Одно отдѣленіе чемодана было наполнено образцами почвъ, склянками и банками съ разными реактивами, насѣкомыми и другой дрянью, не составляющей ничего запрещеннаго. Я ужасно боялся, что мнѣ разобьютъ или испортятъ что-нибудь изъ моихъ драгоценностей. Все это было осторожно развернуто и выставлено на полъ. Любопытство публики все болѣе и болѣе увеличивалось.

„Должно отраву“, шептали бабы.

Во второмъ отдѣленіи не оказалось тоже ничего подозрительнаго: грязное бѣлье, мѣшечекъ съ сахаромъ, полстопы пропусковой бумаги для будущаго гербарія. Урядникъ заступалъ руку въ глубь чемодана и лицо его кричало вдругъ чрезвычайно озабоченное выраженіе.

— Вамъ благородіе, свертковъ, скажите объ изволѣхъ.

— Давай!

Передъ зрителями позависъ свѣтѣкъ, въ свѣтѣкъ было завязано что-то круглое, шарообразное, тщательно завернутое въ газетную бумагу.

Ну, вотъ, видите! радостно воскликнулъ хозяинъ. Я говорю, а вы дѣлаете... Такъ вотъ на мое и было. Физиогномія станового приняла еще болѣе важный видъ.

— Да-а! Развертывай братецъ... да

скій. Опыты по промыванію шерсти производились въ аппаратахъ, специально для этого заказанныхъ. Шерсть промывается въ шести водахъ въ весьма слабымъ растворѣ поташа при температурѣ въ 30 и 40°. Шерсть, промывая въ этой водѣ, перетирается глиной, отжимается и затѣмъ ополаскивается; такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ она уже не содержитъ тѣхъ частицъ, которыя вредны, то ополаскиваніе можно производить въ рѣкахъ безъ всякихъ послѣдствій. Выпаривши воду, которая получается послѣ промыванія шерсти, изъ остатковъ можно получить поташъ. Для этого полученную массу обугливаютъ и растворяютъ, отдѣляютъ растворимый поташъ отъ нерастворимаго въ водѣ угля. Результаты, полученные отъ этого опыта, признаны присутствующими еденногласно вполнѣ соответствующими желательнымъ для промывки шерсти.

Мы слышали, что *г. Ильиничевъ* на дняхъ выѣдетъ въ Петербургъ для заказа смѣты и чертежей устройства аппаратовъ для промывки шерсти; въ 15-ю января онъ предполагаетъ возвратиться и тогда уже будетъ произведенъ опытъ промывки въ болѣе широкомъ размѣрѣ.

Въ отдѣленіи душевно-больныхъ проф. Ковалевскаго поступилъ феноменально рѣдкій случай заболѣванія меланхолическаго. Это—болѣзнь *одинадцати лѣтъ* отъ роду. На видъ ему не болѣе 7—8 лѣтъ. До заболѣванія меланхолическаго въ теченіи короткаго времени (5 мѣсяцевъ) перенесъ: дифтеритъ, скарлатину, воспаление легкихъ, новую болѣзнь горла и корь. Все это повело организмъ въ крайнее истощеніе и заболѣванію психозомъ. Случай представляетъ замѣчательную рѣдкость въ томъ отношеніи, что въ такомъ раннемъ возрастѣ развилась именно меланхолическая.

ТЕЛЕГРАММЫ

(отъ спеціал. корресп. „Южн. Кр.“).

Петербургъ, 24-го декабря, четвергъ. Въ Петербургѣ устраивается товарищество на паяхъ для постройки новаго театра.

— Готовится къ постановкѣ новая опера „Сингурочка“.

Петербургъ, 24-го декабря, четвергъ. По словамъ „Новаго Времени“, утверждено устан. общества взаимнаго вспоможенія лицамъ педагогическаго вѣданія въ Москвѣ.

— Начальникъ Императорской воен. медик. академіи распорядился выдать въ праздничныя будничныя студентамъ академіи пособие по десѣти рублей.

Петербургъ, 24-го декабря, четвергъ. „Новости“ передаютъ, что на дняхъ арестованъ замѣчательный мошенникъ, подъ разными именами продѣлавшій длинный рядъ изумительныхъ мошенничествъ; французское правительство признало въ немъ своего извѣстнаго преступника, бѣжавшаго изъ тюрьмы.

Петербургъ, 24-го декабря, четвергъ. Министерство народнаго просвѣщенія

ты бы того... поосторожнѣй, обрати вниманіе на твое урядниче! Что это такое? спросилъ онъ меня.

— Не знаю... не помню... Представьте, что въ эту минуту я дѣйствительно забылъ, что могло скрываться въ этой проклятой салфеткѣ. Хотѣлъ възрѣчь—не помню! Ужасно неловкое положеніе!

Осторожно двумя пальцами раздвинулъ урядникъ салфетку. Осторожно развернулъ онъ первый листъ газетной бумаги. Бумага оказалась наизъясъ польской газетой. Такая досада!

— Эге! польская штука, сказала становой. Еще Польша не сгинѣла... а?

— Полякъ, полякъ полякъ, раздалось въ толпѣ.

Я молчалъ. „Господи! да что же такое въ этомъ проклятомъ сверткѣ!“

Подъ первымъ листомъ оказался бюллетень.

— Осторожно!

— Не сумѣвайтесь, ваше благородіе, мы свое дѣло понимаемъ! Не тѣсьтесь, осадъ назадъ! крикнулъ онъ вдругъ въ сторону любопытныхъ, направишихъ сюда.

Всѣ затали дышанье. На окономъ стеклѣ билась большая муха, и неслыханно жалобно жужжала. Меня бросило въ жаръ.

Наконецъ, былъ развернутъ второй листъ и передъ взорами заинтригованной толпы представала... засохшая колыбаса съ ломкомъ изъ колбаснаго савояна Германа Ленера въ Харьковѣ!

Пауза—и олушительный врывъ мужикаго смѣха.

— Ты, братъ, поосторожнѣй, а то гляди, неровно вынылишь, состричь кто-то въ задникъ ридякъ... Черезъ полъ-часа мы съ становымъ выѣхали въ уѣздный городъ въ веселомъ разговорѣ. Николай похвѣлъ съ десертнымъ... Нѣтъ, вѣтъ... это неправда, сударыня! я обманулъ васъ!

Здравствуй Прогорелый!

